

Хань Дуй привёл троих гостей к себе домой. Шагнув во двор, Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй сразу принялись приглядываться к новому пристанищу. Места здесь оказалось предостаточно, всё было прибрано дочи́ста, земля заботливо сбрызнута водой против пыли, да и удушливого деревенского амбре не чувствовалось. Увиденное парней вполне устроило.

Услышав голоса, из кухни с радушной улыбкой поспешила Чэнь Юэсян. Но едва её взгляд упал на троих юношей, как сердце женщины на миг пропустило удар. «Пресветлые силы, да как же так? О двоих ведь столичных речь шла, откуда третий взялся?» Однако Юэсян считала себя женщиной степенной и благопристойной, а потому и бровью не повела.

— Наконец-то добрались! — запричитала она, так и лучась гостеприимством. — Ох, измотала вас дорога, поди? Проходите скорее в дом, присядьте, отдохните с пути.

Хань Дуй принялся представлять домочадцев:

— Знакомьтесь: моя матушка, это отец. А вон там — старшая сестра Хань Мэй и моя близняшка Хань Чжу.

Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй вежливо поклонились и засвидетельствовали своё почтение, уважительно величая хозяев дядей Ханем и тётушкой Чэнь.

Хань Дуй подхватил вещи и отнёс их в комнату старшего брата. Шагнув за порог, он мысленно похвалил Хань Гана: тот действительно расшибся в лепёшку. В комнате царил идеальный порядок, исчезла вся вековая паутина, а оконные стёкла сияли так, что отражали свет лучше зеркала. Стены были аккуратно оклеены свежими газетами, а у окна красовался выдавший виды, но чисто вымытый жёлтый письменный стол, на котором примостилось новенькое круглое зеркальце. Откуда только умудрился притащить такую роскошь?

— Огромное вам спасибо, — расчувствовался Чжао Юнцзинь. — Подготовили всё просто замечательно.

— Да ладно вам, в деревне чай живём, условия скромные, — отмахнулся Хань Дуй. — Так что не обессудьте.

— Какое там «не обессудьте»! — воскликнул Цзян Юньфэй. — Да тут во сто крат лучше, чем в бараке у переселенцев!

И он нисколько не лукавил. По пути сюда они заглянули в мужское общежитие на пункте сбора городской молодёжи. Под жильё там приспособили ветхий заброшенный склад. Стены давно пошли глубокими трещинами, сквозь которые сиротливо торчала гнилая солома, а с балок бахромой свисала пыльная паутина. В одну душную комнатку втиснули десяток двухъярусных кроватей, на которых ютились больше двадцати парней. Стоит ли говорить, во что превращается жилище при таком скоплении людей? Специфический букет из застарелого пота, невытых портянок и ещё бог весть какой затхлости бил в нос прямо с порога. От

воспоминания об этом запахе у обоих до сих пор зубы сводило.

На этом безрадостном фоне комната у Ханей казалась едва ли не райским уголком. Она дышала неподдельным уютом и теплом.

Опустив чемоданы на пол, Цзян Юньфэй смущённо поскрёб затылок:

— Слушай, Хань Дуй, мы всю ночь в душном вагоне тряслись, пыли наглотались... Давай мы по-быстрому переоденемся во что-нибудь чистое?

— Конечно, устраивайтесь, — кивнул хозяин дома. — Скидывайте дорожное, а к вечеру мы нагреем воды, сможете нормально помыться.

Благо погода стояла тёплая, так что смыть дорожную грязь прямо во дворе не составляло труда.

Хань Дуй прикрыл за собой дверь и, обернувшись, наткнулся взглядом на товарища Циня. Тот застыл посреди двора, сойдясь в безмолвной дуэли взглядов с их дворовым псом Дахуаном.

Рядом мялся Хань Дахуа, из вежливости пытаясь выдавить из себя хоть какое-то подобие беседы. Разговор у них, мягко говоря, не клеился, но и бросить гостя в одиночестве старику не позволяло приличие. Завидев сына, он выдохнул с таким явным облегчением, словно его только что сняли с дыбы.

— Сяо Жуй, сынок! Ну, ты тут присмотри за гостем, займи его, — торопливо промормотал он и тут же испарился, только пятки засверкали.

Хань Дуй решил увести неприкаянного товарища Циня с линии собачьего огня:

— Товарищ Цинь, пока ребята разбирают вещи, не хотите ли подождать у меня в комнате?

Тот лишь сдержанно хмыкнул и, меряя двор своими длинными ногами, вошёл следом за хозяином.

Хань Дуй налил ему из термоса тёплой воды. И тут до него дошло, что он до сих пор обращается к парню исключительно по фамилии.

— Слушайте, товарищ Цинь, а как ваше полное имя? — поинтересовался он.

Парень поднял на него тяжёлый взгляд и с лёгким недоумением приподнял бровь:

— Ты что, не знаешь?

— Так вы не представлялись.

— А ты не спрашивал.

— Ну так я сейчас и спрашиваю.

Гость недовольно поджал губы и сухо бросил:

— Цинь Чжи.

— Хорошее имя, — выдавил дежурную похвалу Хань Дуй, подумав про себя, что «Чжи» — прямолинейный — подходит этому зануде как нельзя лучше.

— Твоё не хуже, — парировал Цинь Чжи. — Весьма... самобытное.

Хань Дуй промолчал. Пожалуй, это был первый человек в его жизни, с которым беседа увязала в зубах ещё до того, как начнётся. Терпеть это общество не хотелось совершенно.

— Располагайтесь, товарищ Цинь, — Хань Дуй поднялся со стула. — Можете полистать книги на полке, если заскучаете. А я пойду погляжу, как там обед.

С этими словами он без малейшего зазрения совести оставил гостя одного. В конце концов, одиночество — законный удел любого спорщика.

Стоило ему выйти за дверь, как он нос к носу столкнулся со старшим братом. Хань Ган стоял во дворе с таким видом, точно у него только что отобрали последнее имущество. Лицо его скисло и сморщилось, напоминая побитый первыми заморозками огурец.

— Ну какой же я дурак, а? — запричитал он едва слышно. — Услышал краем уха, что приедут «смазливые городские», и сразу решил, будто девчонки! Голова садовая... На радостях комнату им свою уступил, а сам теперь как бобыль в чулане ютиться буду!

Хань Дуй поспешно зажал брату рот ладонью и оттащил подальше от окон, чтобы Цинь Чжи упаси бог не услышал этих стенаний.

— Брат, ну посмотри ты на это шире! Мысли масштабно! — шёпотом принялся увещевать его Хань Дуй. — Нельзя же быть таким близоруким. Твоя жертва не напрасна. Я лично упомянул твоё имя на собрании правления бригады. Сам заместитель бригадира похвалил твою идейную сознательность, да и переселенцы теперь от тебя в восторге.

— И какой мне прок с этой их сознательности? — уныло огрызнулся Хань Ган. — Жены-то у меня от этого не прибавилось.

— Опять ты за старое, — вздохнул Хань Дуй. — Мелко мыслишь, сиюминутной выгоды ищешь. Мы же договаривались: дай мне два года. А сейчас только-только всё начинается!

— Ещё два года... — протянул брат с тоской смертной в голосе. — Да мне уже двадцать пять стукнуло! В девках засиделся!

Хань Дуй задумался, лихорадочно подыскивая весомый аргумент. Вспомнив про старшего брата Цинь Чжи, он тут же пустил этот козырь в ход:

— Подумаешь, двадцать пять! Сейчас вся страна борется за сознательное планирование семьи, в городах мужики раньше тридцати вообще о свадьбе не думают. Вот взять хотя бы брата этого нашего гостя, Цинь Чжи. Он ведь примерно твоего возраста, а всё ещё ходит в холостяках. Хорошая каша долго варится, не суетись.

Хань Ган округлил глаза от изумления. Он ненадолго завис, переваривая информацию, а затем недоверчиво сощурился:

— Погоди-ка... Выходит, его брат тоже... рожей не вышел? Такой же урод, как я?

Хань Дуй лишился дара речи от такой логики. Настоящее чудо природы, а не брат. Но Хань Ган был парнем упёртым: если уж вбил себе что-то в голову, то не отстанет, пока не получит чёткого ответа. Видя, что младший молчит, он нетерпеливо ткнул его локтем в бок.

— Да откуда мне знать, я же не спрашивал, — уклонился от прямого ответа Хань Дуй. — Неудобно как-то, невежливо.

— Ну точно! — обрадовался Хань Ган собственной догадливости. — Раз он городской, при деньгах, а девку найти не может, значит, там совсем всё плохо. Наверняка пострашнее меня будет!

Хань Дуй лишь покачал головой. Спорить тут было бесполезно.

По закону подлости Хань Дуй обернулся и обомлел: на пороге дома застыл Цинь Чжи. Парень буравил их обоих исключительно сложным, не поддающимся описанию взглядом.

Хань Ган тоже заметил гостя. Он окинул долговязого красавца оценивающим взглядом снизу вверх. Пропась между их внешностью была столь огромной, что у бедолаги даже зависти не возникло — одно лишь искреннее сочувствие чужой беде.

— Эх, товарищ Цинь, — сокрушённо вздохнул Хань Ган, покачав головой. — Как же мне жаль твоего старшего брата.

Ну ещё бы! С таким раскрасавцем-младшим бедный родственник на семейных фото, должно быть, смотрится грязным недоразумением. Мир полон несправедливости!

Цинь Чжи оцепенел. Спустя долгую паузу он едва заметно кивнул и ледяным тоном процедил:

— Я обязательно передам ему твои соболезнования.

Хань Дуй попытался было раскрыть рот, чтобы сгладить неловкость, но вовремя понял, что любые объяснения сделают только хуже. Сделав морду кирпичом, он просто притворился, будто ничего не произошло. Душевное равновесие превыше всего.

Чтобы не усугублять, Хань Дуй поспешил скрыться на кухне под предлогом проверки праздничного стола.

На разделочном столе уже дожидались своего часа готовые блюда: аппетитная капуста в уксусном соусе, тушёная редька с тонкими ломтиками свинины, пышный омлет с зелёным луком и пикантная закуска из соевой спаржи.

— Ну как, сойдёт? — обернулась к нему запыхавшаяся Чэнь Юэсян. — На плите ещё два блюда подходят, да суп с мучными клёцками заправлю, и можно подавать.

— Ого, даже мясо есть! — одобрительно кивнул Хань Дуй. — Мам, ну ты сегодня превзошла саму себя по щедрости.

— Скажешь тоже, — рассмеялась мать. — Это Ганцзы расщедрился, на свои сбережения на рынке кусок урвал. Мальчишка из кожи вон лезет, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Да, наш старший брат действительно взрослеет на глазах, — уважительно произнёс Хань Дуй.

Чэнь Юэсян шутливо замахнулась на него полотенцем:

— Ой, лис хитрый! Иди лучше подбодри беднягу, а то на нём лица нет.

Раньше Юэсян вечно ворчала на старшего сына за бестолковость, но сейчас ей и самой стало его немного жаль.

Хань Дуй лишь заговорщически хмыкнул. Мать, как всегда, видела его насквозь.

Когда все кушанья были готовы, Хань Дуй вместе с сестрой Хань Чжу принялись шустро перетаскивать тарелки в главную комнату.

Стоило им накрыть на стол, как вошли улыбающиеся Чжао Юнцзинь, Цзян Юньфэй и шедший следом с бесстрастным лицом Цинь Чжи.

Чжао Юнцзинь, как самый представительный из них, выставил на стол принесённые гостинцы: три стеклянные банки с консервированными фруктами, пачку сухого солодового молока, две пачки хороших сигарет и внушительный кулёк конфет.

— Дядя Хань, тётушка Чэнь, это вам от нас, скромный подарок при первой встрече, — вежливо проговорил он. — Пожалуйста, не откажите в любезности, примите.

Увидев такое изобилие, Чэнь Юэсян всплеснула руками и испуганно запричитала:

— Ну что вы, помилуйте! Зачем же так тратиться? Это слишком дорогие подарки, мы не можем их взять! Заберите обратно, немедленно заберите!

Завязался традиционный ритуальный спор: гости настойчиво всовывали подношения, хозяева с жаром отпихивали их обратно. После пары раундов этой изнурительной борьбы не привыкший к деревенскому напору Чжао Юнцзинь взмолился о пощаде, бросив на Хань Дуя отчаянный умоляющий взгляд.

Хань Дуй понимал: если отказаться наотрез, гости почувствуют себя неловко, но и загребать всё под чистую тоже не годится. Нужен был компромисс.

— Мама, люди ведь от чистого сердца дарят, не стоит так упрячиться, — мягко вмешался он.

Затем он повернулся к ребятам:

— Гостинцы ваши действительно роскошные, заставляют нас чувствовать себя неловко. Давайте сойдёмся на золотой середине.

С этими словами он ловко придвинул к себе сигареты и конфеты, а банки с фруктами и солодовый напиток решительно вернул дарителям.

Видя непреклонность Хань Дуя, Чжао Юнцзинь не стал спорить и убрал оставшееся.

Все дружно расселись вокруг стола.

Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй то и дело рассыпались в благодарностях за хлопоты.

Когда Чэнь Юэсян и старшая дочь водрузили в центр стола дымящуюся супницу с клёцками, они попытались незаметно проскользнуть обратно на кухню.

— Мам, вы куда? Садитесь с нами! — окликнул их Хань Дуй.

— Да мы потом, не переживай, — отмахнулась Юэсян. — Вы ешьте, пока горячее. Сяо Чжао, Сяо Цзян, Сяо Цинь, угощайтесь, не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома!

Тут Цинь Чжи, до этого молчавший, внезапно спросил с самым невозмутимым видом:

— У вас в деревне до сих пор живы феодальные пережитки, по которым женщинам запрещено сидеть за одним столом с мужчинами?

Чэнь Юэсян так и застыла на полушаге.

— Да бог с тобой, сынок, что ты такое говоришь! Нет у нас ничего подобного! — замахала она руками.

В своём доме Юэсян была полновластной хозяйкой: попробовал бы кто-нибудь указать ей на место, она бы этот стол на голову спорщику надела. Просто в кухне им было как-то привычнее и спокойнее, а еда там была ровно та же самая.

— Подобное варварство осталось в тёмном прошлом, — с улыбкой подтвердил Хань Дуй. — В нашей семье предрассудков не держат.

Чэнь Юэсян поняла, что спорить с идейным городским парнем выйдет себе дороже, и, позабыв о стеснении, решительно притащила дочерей за стол.

Стряпня матушки Чэнь и Хань Мэй превзошла все ожидания, а уж сочные кусочки свинины, купленные Хань Ганом, и вовсе превратили ужин в пиршество.

Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй уплетали за обе щёки, окончательно убедившись, что вытащили счастливый билет, поселившись у Ханей.

К концу ужина на деревню опустились густые сумерки.

Цинь Чжи поднялся из-за стола и сухо объявил, что ему пора возвращаться. Чэнь Юэсян тут же запричитала, пытаясь уговорить его остаться:

— Сяо Цинь, куда же ты на ночь глядя? У нас в деревне фонарей нет, темень кругом хоть глаз выколи, на просёлочной дороге и в кювет улететь недолго. Переночуй у нас, а утром со

свежими силами поедешь. Места всем хватит, ляжешь в комнате у Сяо Жуя, потеснитесь как-нибудь на одной кровати.

Цинь Чжи покосился на Хань Дую, и на его лице отразился такой священный ужас, точно ему предложили лечь в гроб с упырем.

— Благодарю, нет необходимости, — отчеканил он ещё тверже. — На моей машине установлены мощные фары.

Хань Дуй лишь мысленно хмыкнул: «Ишь какой чистоплюй! Боится, что я его укушу ночью, что ли? Да я и сам не горю желанием спать с тобой на одной подушке!»

Убедившись, что упрямого гостя не переубедить, Чэнь Юэсян со вздохом сдалась.

Освещая путь фонариками, Хань Дуй, Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй проводили Цинь Чжи до барака переселенцев, у которого была припаркована его служебная машина.

Пока Чжао Юнцзинь отлучился пожать гостю руку на прощание, Цзян Юньфэй заговорщически склонился к Хань Дую и зашептал:

— Я за ним ещё в дороге заметил: у этого товарища Циня пунктик на личных границах. Терпеть не может делить с кем-то не то что постель — даже комнату. Мы когда на постоялом дворе останавливались, он костями лёг, но выбил себе отдельный номер.

Хань Дуй отлично его понимал — сам ценил уединение, но упускать шанс укрепить товарищеские узы за счёт лёгкого злословия не стал.

— Да уж, чудной он какой-то, — негромко согласился он. Ничто так не сближает новоиспечённых приятелей, как невинные косточки общего знакомого.

Обменявшись парой напутственных фраз с Чжао Юнцзином, Цинь Чжи сел за руль, завёл мотор и укатил в темноту.

Обратный путь к дому они проделали втроём.

Едва они переступили порог, как Чжао Юнцзинь сделал попытку вовлечь Хань Дую в долгую ночную беседу, но тот с улыбкой его остановил:

— Время у нас ещё будет, наговоримся. Вы с дороги без сил, марш умываться и спать.

Чжао Юнцзинь спорить не стал — усталость действительно брала своё.

Городские ушли к себе, а Хань Дуй вернулся в залу.

Отец, Хань Дахуа, уже вовсю блаженствовал, раскурив дорогую сигарету из подаренных Чжао Юнцзинем. На его лице блуждала блаженная улыбка.

— Эх, хороша чертовка! Наш самосад с этой травой и близко не стоял.

Хань Дуй деловито протянул руку и припрятал одну из пачек к себе в карман. Отец тут же замахнулся на него:

— А ну положи на место! Молод ещё дымить!

— Да не курить я её собрался, — отмахнулся сын. — Мне со дня на день в кадры вступать. Сами понимаете, солидному человеку нужно иметь при себе приличное курево, чтобы нужных людей угощать при встрече. Так, на вся случай.

Хань Дахуа аж заскрипел зубами от жалости к дорогому табаку.

— Цыц, старый! — прикрикнула на него Чэнь Юэсян. — Тебе лишь бы добро переводить да перед соседями хвастаться, а сыну вещь для дела нужна. Сяо Жуй ерунды не скажет.

Хань Дахуа, затаившись, сокрушённо покачал головой:

— И всё-таки зря этот Цинь на ночь глядя укатил. Дороги у нас — сплошные ямы да колдобины. Неровен час, ухнет свою жестятку в какой-нибудь кювет.

— Да типун тебе на язык! — осадил его супруга. — Хоть раз в жизни можешь обойтись без своих карканий?

Хань Дуй усмехнулся:

— Не переживай, пап. Канавы вдоль тракта неглубокие. Даже если и завалится на бок — выберется как-нибудь.

Поболтав ещё немного с родителями, Хань Дуй отправился в девичью спальню. Матушка дала ему строгое партийное поручение — провести с сёстрами разъяснительную беседу насчёт нравственного облика.

Помявшись у двери и поболтав ни о чём с Хань Мэй и Хань Чжу, он всё никак не мог сообразить, с какого боку подступиться к щекотливой теме.

Хань Чжу, заметив его непривычную неловкость, весело прыснула:

— Надо же, наш краснобай языка лишился! Великое переселение народов, не иначе.

— Ну а как ты хотела, сестра? — Хань Дуй мгновенно сориентировался и натянул на лицо страдальческую мину. — Родственные души, сразу всё видишь. Я ведь подневольный человек, с поручением пришёл. Промолчу — матушка с потрохами съест. Заговорю — вы меня взащей вытолкаете. Сижу вот на двух стульях, маюсь.

Хань Чжу закатила глаза и фыркнула:

— Ой, да ладно тебе юлить! Прекрасно я знаю, зачем тебя прислали. Мамаша ещё до их приезда плешь нам проела своими притчами. То у неё «девка должна беречься, чтоб за дурака не выскочить», то «рукам волю давай, а сердцу — ни-ни». Мы с Мэйцзы что, по-вашему, на нашего непутёвого старшего брата похожи? Стоит парням на пороге показаться, как мы сразу побежим фату примерять?

— Что ты, бог с тобой! И в мыслях не было! — Хань Дуй замахал руками, изо всех сил разыгрывая искренность. — Я в твоём безупречном вкусе ни на секунду не сомневаюсь. Когда перед глазами круглосуточно маячит такой эталон мужского совершенства, как твой драгоценный брат, разве согласишься на простых смертных?

— Ну и наглец! Опять себя хвалит, — покачала головой Хань Чжу, но улыбнулась.

Отсмеявшись, она посерьёзнела:

— Передай маме, пусть спит спокойно. Не до глупостей мне сейчас. Я жду не дождусь, когда ты обоснуешься в производственной артели. Очень хочу найти нормальную работу. Не забывай, я ведь тоже школу окончила, грамотная. Как учит нас Председатель Мао, женщины — это половина неба. У меня, между прочим, тоже есть классовые идеалы и стремления!

— Всё будет, сестра, — серьёзно пообещал Хань Дуй. — Мой вопрос решится со дня на день. Как только укреплю свои позиции, обязательно подберу тёплое местечко и для тебя.

Старшая сестра, Хань Мэй, чьё робкое воспитание не позволяло ей рубить с плеча, застенчиво улыбнулась:

— Сяо Жуй, за меня тоже можете не переживать. Если честно, эти городские мальчишки... я на них смотрю и вижу в них тебя. словно младшие братишки приехали. Никаких иных мыслей и в помине нет.

С чувством выполненного долга Хань Дуй вернулся к себе в комнату. День выдался на редкость суматошным, но продуктивным. Упав на постель, он мгновенно провалился в глубокий,

безмятежный сон.

На следующее утро, едва успела закончиться трапеза, Чжао Юнцзинь подошёл к Хань Дую, намереваясь обсудить вчерашнее предложение. Тот только открыл рот, чтобы согласиться, как у калитки нарисовался неожиданный гость — бухгалтер Чжан Синьшэн.

Хань Дахуа и Чэнь Юэсян изумлённо переглянулись и поспешили навстречу столь важному лицу.

— Мне недосуг рассиживать, в контору пора, — степенно проговорил старик, остановившись посреди двора. — Я на минутку заскочил, Сяо Жуя кликнуть. Пусть собирается да топает в штаб артели на оформление.

— Ох, бухгалтер Чжан! — всплеснула руками обрадованная Чэнь Юэсян. — На какое такое оформление?

Чжан Синьшэн неторопливо поправил картуз:

— Вчера поздно вечером Ли Маньфу созывал экстренное заседание парткома артели. Старый учётчик трудодней наконец уходит на заслуженный покой. Правление постановило нанять на его место двоих новичков: твоего Сяо Жуя и Сяофа из его семьи... То есть, тьфу ты, он же имя сменил на более идейное — теперь зовётся Ли Цяньцзинем.

Хань Дахуа озадаченно поскрёб затылок:

— Позвольте, всю жизнь ведь один учётчик справлялся. Зачем артели двое?

Бухгалтер Чжан многозначительно похлопал старика по плечу, сощулив умные глаза:

— Эх, старина Хань, радоваться надо. Твой малый зубами эту кость выгрыз. Скажи спасибо, что вообще пролезли.

До Хань Дахуа мгновенно дошёл скрытый смысл этой комбинации. Он закивал головой, расплываясь в довольной улыбке:

— И то правда, товарищ бухгалтер! Грех жаловаться. Довольны мы, премного довольны!

Подобный исход Хань Дуй просчитал заранее, поэтому ничуть не удивился. Он быстро скользнул в свою комнату, захватил верную брезентовую сумку горчичного цвета, закинул туда чистую тетрадь и авторучку.

— Юнцзинь, твой разговор не горит? — на бегу бросил он гостю. — Если терпит, давай перенесём на обед.

— Конечно-конечно, ступай! Дело государственной важности, — закивал тот.

— Мои поздравления, Сяо Жуй! — напутствовал его улыбающийся Цзян Юньфэй.

Хань Дуй весело махнул им рукой и припустил вслед за степенно вышагивающим бухгалтером.

Пройдя с полдороги, старый Чжан искоса глянул на его обувь и со всей серьёзностью поинтересовался:

— Слышь, парень, а почему ты без резиновых сапог пошёл?

— Дядя Чжан, так ведь на небе ни облачка, сухо на улице. На кой мне резиновые сапоги? — удивился Хань Дуй.

— Как на кой? — старик хитро прищурился. — Тебе ведь предстоит в мутную воду лезть, грязь месить в правлении.

Хань Дуй лишь весело рассмеялся:

— Бухгалтер Чжан, вы, никак, запомнили мои слова? Я ведь и сам — та ещё мутная водица. Пусть лучше они сапоги надевают, чтобы в грязь лицом не ударить.

Старый Чжан молча покачал головой, достал свою излюбленную медную трубку и неторопливо раскурил её, пуская сизый ароматный дымок.

— Ваше дело, хозяйское, — пропыхтел он в усы. — Моя хата с краю, я на берегу посижу, погляжу на ваше представление.

<http://bllate.org/book/19655/1996584>